

погубили и колокол с надписью по ободу «Город Кемпен, мастер Вегеварт», прибывший в Ныроб при царе Михаиле Фёдоровиче. Ажурную беседку, имитирующую часовню, что стояла над узилищной ямой боярина Михаила Романова, вывезли в Чердынь, поставили в Комсомольском сквере как памятник чердынскому купечеству. Да и сейчас, похоже, Ныроб обречён терять свои вертикальные доминанты: многометровый Дзержинский покинул площадку перед культурно-деловым центром и разместился ныне у соликамской конторы УИТУ.

Ныроб — тупиковая верста Печорского тракта, далее дороженьки становятся малопроезжими, волоки заросли лесом, речки без мостов. Ныроб будто вернулся к шестнадцатому веку, к статусу *ultima thule* цивилизованного мира. Особенно когда проходят представления здешнего «Исторического театра на ландшафте», воскрешающие стародавние времена. Тогда едва ли не весь посёлок наряжается в кафтаны и кольчуги, возводятся потешные крепостцы, реконструируются пыточные инструменты. Построили копию возка, на котором в «погост Ныробка» привезли в 1601 году опального боярина Михаила Никитича Романова. Местная жительница приглашает туристов этот возок опробовать. А когда они в него

заберутся, мстительно сообщает: «А у нас есть примета: кто в возок сунется, потом обязательно сядет. Всё равно по какой статье, но сядет обязательно!»

Не только сами ныробчане, но и осуждённые из здешних зон, и лагерная вохра увлечённо подключаются к ландшафтным спектаклям. Заключённые делали для исторического театра на ландшафте деревянные пыточные колодки. Узнав, что в представлении будет участвовать ОМОН, богато украсили их резными узорами.

В общем, в Ныробе интересно живут. Сами себя уверяют, что всем довольны, и матом кроют проезжающих туристов, которые жалуются на состояние сортира при ныробском автовокзале: «Не нравится — дыши в сторону, и вообще не *** тогда к нам ездить!» Лепят ушки — пельмени из сушёных грибов, для лечения от нервных хворей выкапывают марьин корень, как его здесь называют — «маричечи», возят по случаю туристов в Дивью пещеру, рыбачить отправляются к исчезнувшим деревням — Богатырёво, Байдач, Третья Плотица, Кремьянка, Коркас, на речки Низьву, Соплес.

Под колёсами ещё бренчат кое-где остатки бревенчатых дорог-лежнёвок. Вырубки вокруг брошенных лагунктов заволокло малинником, кое-где можно обнаружить следы медвежьих пиршеств: косопалые тасили телят с откормочного участка в Шунье. На речках

вовсю безобразничают бобры, хариус только мелкий остался — жиган. Но ещё вдоволь морошки, брусники, голубики, клюквы. Над обезлюдевшими «командировками» витает блатное эхо:

*«Родился в посёлке Ныроблага,
Почтовый ящик 320-шэ,
И подрастал*

*в мальчишеской ватаге
Меж надзирателей*

и вольных с УЖД.

Тогда был жив ещё

товарищ Сталин —

Не просто вождь народов, а сам бог!

И судьбы наши так переплетались,

Что Эренбург бы описать не смог.

Там летом комары,

зимой мороз за сорок,

Весна и осень — по колено грязь.

Туда не добежит,

качаясь на рессорах,

Вагон плацкартный:

в Соликамске слазь...»

Где-то тут, выше Соликамска, по Колве, Вишере и Каме бродит неузнанный призрак пермского эпоса. Добредаёт до Купроса, где стоит, пожалуй, самая огромная в крае деревянная церковь. Сейчас на ней видны следы поспешного ремонта: новые светлые доски контрастируют с потемневшей обшивкой строгановских времён. Но при починке зачем-то понадобилось сбросить подкупольный барабан, он валяется на земле, мощный, как мельничное колесо.